

КОЛОМНА ПОМОГАЕТ МОСКВИЧАМ

Уверенно приближался в Коломне Великий Октябрь. Не только партийные, но и беспартийная масса коломенских рабочих предчувствовали приближение великого неизбежного дня. Только... меньшевики и эсеры смеялись по поводу наших ожиданий.

Устраиваемые нами собрания и митинги привлекали все больше и больше слушателей. Редактируемый мною журнал «Большевик» расхватывался в буквальном смысле слова. Рабочие не только покупали его, но и устраивали денежные сборы в пользу его.

За несколько дней до 25 октября уехал наш делегат товарищ Сарвечев на Всероссийский съезд Советов в Петербург. Левшин и я были оставлены в Коломне на подготовку переворота.

Аппарат партийной организации был слаб: не было совершенно технических сотрудников, не было ни одной пишущей машинки... А 24-го мы решили приступить к печатанию мандатов и разных распоряжений. После занятий в Совете мы с Левшиным захватили пишущую машинку, но не смогли найти машинистку. Пришлось печатать самим. Несколько десятков разных мандатов на случай переворота мы печатали всю ночь. А утром надо было отправиться в казармы и приготовить солдат к нашему выступлению. Целый день мы ходили по казармам, из роты в роту. Приходилось выдерживать целые битвы, так как меньшевики и эсеры послали туда и своих контрагитаторов. К вечеру казармы были наши. Солдаты поклялись выступить вместе с рабочими и гнать в шею из казарм всякого, кто так или иначе попытается сломить боевое настроение солдат.

Все, что нужно, было сделано, и можно было отдохнуть, чтобы с новыми силами приступить к работе.

Я отправился домой и лег спать. Проспал я недолго, так как глубокой ночью раздался бешеный стук в ворота. Звали меня. Оказалось, что Левшин остался дежурить в Совете и дождался телеграммы из Москвы о перевороте в Питере. Немедленно были подняты на ноги все члены Совета. Ночью напротив Коммерческого собрания открылось торжественное заседание Совета.

Перед открытием заседания царило мертвое молчание. Только слышно было тревожное и радостное биение большевистских сердец.

Краткая информация о перевороте была встречена радостным криком: «Вся власть Советам!»

Вызвали войска, которые выстроились перед зданием Совета, и под охраной их мы приступили к выборам должностных лиц. Левшин был избран председателем Коломенского Совета рабочих и солдатских депутатов, я — комиссаром города Коломны и уезда.

Из членов Совета, членов партийной организации и сочувствующей нам беспартийной рабочей молодежи была создана боевая рабочая дружина. Приступил к работе и штаб Красной гвардии. Той же ночью были нами захвачены телеграф и телефонная станция. Главным комиссаром почты и телеграфа был назначен старый партиец петроградский рабочий Лобохин.

* * *

В Коломне власть Советами была захвачена без боя. Тем не менее настроение было нервное, возбужденное, каждый день ждали столкновений с невидимым врагом. Местных наших врагов мы не боялись. Меньшевистская организация разложилась и совершенно притихла, социалисты-революционеры во главе с бездарным и тупым Комиссаровым продолжали шуметь только в своем партийном комитете и земской управе. Сломить их сопротивление ничего не стоило, но тогда мы еще считали их хоть и плохими, но социалистами и применять к ним хотя бы самое необходимое насилие не решались. Эсеры врывались к нам в Совет, мешали работать, не подчинялись ни в чем, и мы смотрели чересчур добродушно на их хулиганские выходки... и выжидали, когда им самим угодно будет оставить нас в покое.

Зато в организации своих сил на случай возможности нападения на нас со стороны мы проявили максимум энергии. Дни и ночи производилось во дворе Совета обучение военному искусству наших товарищей.

Невольно перед глазами рисуются необычайные картины нашей деятельности. Как-то раз с какого-то обыска поздней ночью я пришел в Совет. Во дворе под проливным дождем в грязи топталось несколько десятков членов Совета, вооруженных с ног до головы. Там же находился и председатель Совета Левшин; похож он был скорее на разбойника, чем на председателя Совета. Увешанный бомбами, с ружьем через плечо и громадным кинжалом за поясом, он усталым и охрипшим голосом выкрикивал: «Левой, правой!..»

Левшин уже несколько ночей не спал, лицо страшно осунулось и обросло светлой щетиной. Глаза расширились, глубоко впали

и блестили нервным огнем. Чувствовалось, что он в конце концов должен сорваться, если так будет продолжаться еще несколько дней.

Я постарался его пристыдить:

— Левшин, брось! Тебе надо делать, как председателю Совета, более важное и ответственное дело, а не топтаться в грязи.

Он зло поглядел на меня, но пошел вместе со мной в здание Совета. Уговорить его уйти домой и поспать не удалось. Из Совета он не отлучался ни одной минуты. Пришлось силой уложить его спать тут же на полу в Совете, но из этого ничего не вышло, так как через несколько минут к нам в Совет принесли провокационную телеграмму о том, что со стороны Рязани двигается на нас большой отряд казаков. Затрещали телефонные аппараты, спешно вызывались войска и красногвардейцы, выставлялся усиленный патруль по всему городу и у Рязанской заставы...

Коломенский завод находится вне Коломны, и мы решили обезоружить всех администраторов завода, а также лишить их всяких средств передвижения. С несколькими товарищами я отправился прямо в заводский гараж. Захватил все автомобили, за исключением одного, и отправил в распоряжение Коломенского Совета. Оставшийся сорока сил большой легкий автомобиль «Мичуган» что-то не ладился, но без него уйти я не желал, и я остался на заводе в ожидании его. Нашли сочувствующего нам шофера Зиновьева, который, провозившись с ним часа два, привел его в движение, и мы пустили его на четвертой скорости по направлению к Коломне. Из-за некоторой путаницы в распоряжениях Левшина выставленный на шоссе патруль не знал, что я должен выехать из завода на автомобиле. Все полагали, что со стороны завода могут ехать только наши враги, а потому патруль был в боевом настроении.

Была темная ночь, и моросил густой мелкий осенний дождь. Разобрать что-либо не было никакой возможности. Большие автомобильные фонари бросали свет только на несколько шагов, и то только перед собой на шоссе, и вдруг где-то близко раздались свирепые крики: «Стой, стой, стой!»

Шофер или не слышал этих криков, или не мог сразу остановить машину, но она продолжала мчаться. Сзади, спереди и с боков раздались ружейные выстрелы.

Сидящий со мной рядом болезненно вскрикнул. Такой же, но более жалобный крик вслед за ним издал и шофер. Пули жужжали, сквозь шум выстрелов, дождя и воркотню мотора слышны были удары пуль о жестяной кузов автомобиля. Не было сомнений, что нас расстреливали свои, и я вскочил и начал бешено кричать:

— Перестаньте стрелять! Едут свои.

К счастью, шоферу удалось остановить автомобиль...

Сопровождавший меня товарищ был легко ранен в руку, а я отделался только потерей одной пуговицы, которая была оторвана

от пальто. Зато автомобиль был продырявлен в буквальном смысле слова. Тяжело в живот ранен был только наш шофер Зиновьев¹.

Обучались наши товарищи не зря, стреляли они метко...

Началось следствие, которым руководил Левшин. Все говорило за то, что это результат известного недоразумения, но он почему-то решил, что обстрел автомобиля, в котором я ехал, является следствием белогвардейского заговора. Левшина нельзя было узнать, он стал страшным. Все заступничество за виновников стрельбы ни к чему не привело. Они были арестованы и разоружены. С одной стороны, эта мера дала и положительные результаты, так как при проверке всех арестованных нам удалось среди них обнаружить, кажется, двух примазавшихся к нам уголовных...

* * *

О московских боях к нам в Коломну приходили самые невероятные известия. Точных сведений у нас не было. Вести из Москвы мы ловили жадно. Последнее известие гласило, что юнкера берут верх, и Коломна решила помочь москвичам. Было решено отправить отряд красногвардейцев, но предварительно послали на автомобиле меня на разведку. По дороге наш автомобиль задерживали во всех рабочих районах, и только после тщательной проверки документов нас пропускали дальше. Не доезжая верст сорок до Москвы, уже слышалась непрерывная канонада. Значит, слухи о том, что нас разбили, неверны, значит, борьба продолжается.

Приезжаем в Люберцы, нас снова останавливают, проверяют мандаты, и, хотя все в порядке, нас дальше не пускают. Едем в Совет. По дороге везде вооруженные рабочие, ружья наготове. Так и кажется, что сейчас начнется обстрел нашей машины. Но сопровождающий местный рабочий громко кричит: «Товарищи, едут свои!»

И поднятые винтовки, готовые уничтожить нас при малейшем подозрительном движении с нашей стороны, покорно опускаются.

В Люберецком Совете такой же шум и нервная работа, как и в Коломенском. В общей комнате толпятся сотни рабочих в ожидании оглашения постановлений революционного комитета, который заседает тут же день и ночь.

Нас проводят в ревком. Мы узнаем там точные и верные сведения о событиях в Москве. Посылка отрядов туда излишня, так как там сил достаточно. Проехать в Москву на автомобиле невозможно, так как надо проезжать через белогвардейскую линию.

Возвращаемся в Коломну с радостным известием о том, что Кремль в наших руках, что белогвардейцы с каждым днем слабе-

¹ Его с трудом вылечили, и так как он потерял трудоспособность, Коломенский Совет назначил ему пенсию. *Прим. автора.*

ют и что недалек тот час, когда и Москва будет во власти красного пролетарского Октября...

Наконец приходит весть об окончательной победе красных коммунаров. Коломна ликует. Производится смотр войсковым частям и рабочим дружинам. Окружается офицерское собрание, где собралось человек 40 офицеров, и предлагается им присягнуть Советскому правительству. Они отказываются, и на командные должности назначаются более развитые солдаты.

Не только наружно, но и внутренне начинается строительство новой жизни на новых началах даже в отсталой и тихой Коломне.

*Пролетарская революция, 1922, № 10,
с. 327—331*